

Петер Травни

**«ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ЛОГОС». ЗАМЕТКИ К
ХАЙДЕГГЕРОВСКОЙ ДЕСТРУКЦИИ
ПОСЛЕПЛАТОНОВСКОЙ ЛОГИКИ¹**

1. Введение. Хайдеггеровское «потрясение логики»

В лекции летнего семестра 1934 года «Логика как вопрос о сущности языка» Хайдеггер говорит о «главной задаче», состоящей в том, чтобы «до основания потрясти логику». При этом он указывает, что «потрясение логики», «над которым мы работаем уже десять лет», «основано на изменении самого нашего бытия» [7, s. 11]. В лекции «Введение в метафизику», прочитанной годом позже, Хайдеггер настаивает на том, чтобы «перевернуть логику в ее основании» [5, s. 197]. Так к середине тридцатых годов Хайдеггер приходит к пониманию, что кардинальная ревизия западной мысли может быть проведена только в связи с деконструкцией ее «формальных» элементов, то есть в контексте деконструкции логики в том ее виде, в каком она возникла в философии Платона и Аристотеля. При этом Хайдеггер изначально уверен, что понимание логики, выводимое из обычного разделения на форму и материю, то есть на то, *как* мыслится и *что* мыслится, для философии, стремящейся понять логику исходя из бытия, невозможно. Соответственно «потрясение логики» должно быть истолковано как «потрясение» бытия. Критический разбор Хайдеггером логики, в том числе и особенно в контексте мышления «события», является ответом на это «потрясение» бытия.

Над «потрясением логики» философ, согласно его собственному заявлению, работает «в течение десяти лет», то есть после известной лекции зимнего семестра 1924/25 года о «Софисте» Платона. Это «потрясение» происходит в ходе «изменения самого нашего бытия». Оно представляет собой, как Хайдеггер говорит в другом месте, «потрясение человека» [8, s. 218]. Таким образом, оно есть момент общего исторического изменения, того исторического движения бытия, которое Хайдеггер называет «преодолением» или «превозмоганием метафизики». Если логика должна быть «потрясена» и «сорвана с петель», то это удастся в сфере тех представлений, где лучше всего начинать «потрясение», там, откуда и будет исходить это «срывание с петель». Речь о «потрясении» опирается на предпосылку смыслового горизонта понятия «*причины*» или даже «*источника*». Деструкция логики должна начинаться с ее «причины» или с ее «источника». Путь к «потрясению логики» есть основательное углубление логического понятия о *logos*'е вплоть до «изначального логоса», о чем Хайдеггер говорит в 1944 году [6, s. 185].

Чтобы осмыслить этот процесс, мы должны объяснить, что же мы

можем понимать под термином «логика». Только тогда, когда мы составим себе хотя бы общее представление о логике – так, как ее понимает Хайдеггер, – мы сможем уяснить, в чем смысл его деструкции. Затем мы могли бы составить представление о том, что Хайдеггер понимает под сущностью *логоса*. И в конце концов мы намерены пройти путем, которым Хайдеггер идет от своей лекции о «Софисте», где рассматривается аристотелевское понятие логики, до лекции о «Логике» лета 1934 года и далее до лекции о гераклитовском логосе лета 1944 года и сочинения «Логос», написанном в 1951 году.

2. «Логика» как философская наука

Итак, в первую очередь речь идет о том, чтобы составить себе представление об обычном понимании Хайдеггером сущности «логики». «Логика» говорит о *логосе*. *Логос*, понимаемый обычно как аристотелевский *lógos apophantikós*, выявляет, высказывает то, «какова вещь и как она себя ведет» [7, s. 1]. Логос есть высказывание о существующем, бытийственном.

Мы осуществляем «высказывание» не только в узком смысле звуковой артикуляции, но и в самом процессе *мышления*. Но мышление может быть истинным или ложным в зависимости от истинности или ложности его «высказывания». Определенные законы мышления регулируют его истинность или ложность. Чтобы мы знали, насколько правильно или неправильно было помыслено, существует «логика». «Логика» как «наука о *логосе*» [6, s. 213]² есть, таким образом, «составление формальной структуры мышления» и «установление его правил» [5, s. 129].

«Логика» «разлагает» мышление как «высказывание» на «основные элементы». Наряду с этим она указывает, как множество подобных элементов может быть правильно «сплетено» и «собрано». Она предлагает условия правильных заключений и правильных суждений. Тремя основополагающими правилами являются закон тождества, закон противоречия и закон достаточного основания [7, s. 10].

Тем не менее «логика» как философская «наука» не составляет собою всю философию. Издавна (см.: Секст Эмпирик, *Adversos Mathematicos*, кн. 7, § 16) ей были подчинены еще две «науки». Философия как целое разделяется на дисциплины «логика», «этика» и «физика» [7, s. 1ff]. Но если мы обратим внимание на то, что и в сфере этического, и в области естествознания необходимо должно осуществляться *мышление*, то обнаружится определенная приоритетность «логики» как «мышления о мышлении» [6, s. 216ff], которое не только осуществляется человеком спорадически, а в конечном итоге составляет его бытие.

Но и этим не исчерпывается смысл того, что понимается под «логикой». В повседневном мире есть «виды речи», которые не зря переносят научное понимание логики на явления повседневности. Так, «логичным» называется то, что «последовательно». Здесь имеется в виду не «наука» «логики», а «в большей степени мы подразумеваем последовательность некоего явления, положения, процесса» [6, s. 186ff]³. Таким образом, эта «последовательность» в повседневной практике есть как бы погруженный в обыденность модус научной «логики», при этом, конечно, не имеется в виду, что «логика» в ее научной сущности предшествует повседневной практике. «Индифферентная нормальная форма высказывания» «а есть b» является «главной чертой повседневного бытия», обусловленная его «неразличающим отношением к бытийственному как к собственно наличному» [4, s. 438]. В повседневной практике аргументирования «последовательность» может быть понята как нормализация научной «логики», но также и «логика» может быть представлена как формализация повседневных мыслительных актов. «Логика» формализует повседневный образ мыслей тем, что утверждает наличие «основания» у всего.

Между «логикой вещей» и «логикой мышления» существует, следовательно, взаимосвязь. Мышление и вещи «обращены друг в друга», «одно повторяется в другом», «одно притягивает к другому» [6, s. 196]. Эта «обращенность друг в друга» мысли и вещи кажется сама собой разумеющейся с точки зрения такого представления о мире, которое ориентировано на здравый смысл. Этот здравый смысл как «обращенность друг в друга» мысли и вещи действителен еще и тогда, когда страсти очевидно сбивают мир с толку. Во всемирно-историческом контексте «коварство рассудка» [2, s. 105] руководит самыми страстными поступками. «Обращенность друг в друга» мысли и вещи есть условие того, чтобы стало возможным известное «*все разумное [...] действительно, все действительное [...] разумно*» [1].

«Последовательным» считают мышление, которое может дать себе отчет в каждом своем отдельном шаге. Это мышление, которое имеет свои «основания». Мышление – не только философское мышление – есть *lógon didónai*, что значит, по Хайдеггеру, «показывать *логос*, основание, не только указывать на них, но и излагать, воспроизводить и передавать: дать возможность выявиться основанию, подоснове, самому дну» [3, s. 153]. Поскольку «логика» есть формализование «последовательности», она зависит от претензий мышления «обосновать» все существующее в его явлениях и отказать в существовании тому, что не имеет «основания». В дальнейшем я еще вернусь к разговору об этом аспекте логоса.

Когда человек необходимо *мыслит* как в вопросах этики, так и в сфере природного, тогда становится очевидным, что «логика» как

«мышление о мышлении» иначе относится к двум другим областям философии, чем они к ней. Ни этическое, ни физическое не имеют такого большого значения для «логики», в то время как «логика» формулирует правила мышления, которые действительны как в отношении этики, так и в отношении природы. Создается видимость, что «логика» имеет преимущества перед этикой и физикой. «Логика» представляется «наукой», которая в формальном смысле определяет правила, вообще и везде мыслит как *zōn lōgon échon*, как *animal rationale*. Следовательно, «потрясение логики» связано с разрушением того положения, которое «логика» занимает в историческом отношении к «этике» и «физике».

3. «Изначальный логос»

Со времен Платона и Аристотеля западная логика возводит *логос* к *lógos apophantikós*, т.е. к речи. Здесь *логос* означает «высказывание» или «предложение». При этом *логос* понимается как форма, которая может быть использована правильно или неправильно. Если, например, отношения между подлежащим и сказуемым противоречивы, то *логос* или высказывание неверны. Соответствующая непротиворечивость гарантирует формальную правильность высказывания.

Но по Хайдеггеру, *логос* «изначально не речь». То есть не «высказывание» и не «предложение». Более того, Хайдеггер утверждает, что «слово», «в том, что оно означает, не имеет непосредственной связи с языком». Хайдеггеровское определение логоса напротив связано с его собирательным характером. Он пишет: «*Lego, legein*, на латыни *legere* – это то же слово, что и наше «собирать» (*lesen* – *O. K.*): собирать колосья, собирать дрова, сбор винограда, отбор» [5, s. 132]. Логос «собирает» существующее, сводит его вместе, «накапливает» его. Логос есть «собрание». Как и в немецком, Хайдеггер слышит в греческом *lógos* и действие, и предмет собирания. Логос собран как собрание. Логос есть «собирающая собранность, изначально собирающее» [5, s. 136].

Очевидно, что *lógos* и *phýsis*, то есть *логос* и совокупность существующего, связаны друг с другом тем, что *lógos* не может ни «собирать», ни «сводить вместе» ничего, что не имело бы отношения к *phýsis* существующего. На самом деле об этом говорит один из фрагментов Гераклита. Мы цитируем здесь решающий пассаж в том виде, в каком дает его Хайдеггер: «Существующим становится все *katà tòn lōgon tónde*, в соответствии и благодаря этому *логосу*; в этом они (люди) подобны тем, которые решаются на что-либо, ничего не зная, хотя они и стараются понять, ни в подобных словах, ни в подобных делах, осуществленных мною; в то время как я делаю это, растолковывая все *katà phýsin* согласно бытию и разъясняя, как все обстоит» [5, s. 136]⁴. *Логос* соизмерим с *phýsis*, с бытием, вследствие и благодаря тому, что он может «собирать»

существующее. Эта соизмеримость заходит так далеко, что уже почти невозможно установить разницу между *lógos* и *phýsis*. И действительно Хайдеггер приходит к выводу, что «во Фрагменте 1 *katà tòn lógon* означает то же, что и *katà phýsin: lógos* и *phýsis* означают одно и то же» [5, s. 139]. Но если *lógos* и *phýsis* есть «одно и то же», то *lógos*, как и *phýsis*, есть имя для бытия. Так Хайдеггер и характеризует *lógos*, когда говорит: «Существующее, точно и ясно выраженное, собрано в самом себе самим собою и сохраняется в таком собрании» [5, s. 139]. Мысль о том, что *логос* и есть собственно бытие, имеет решающее значение в последнем подробном хайдеггеровском исследовании Гераклита, а именно в той самой лекции лета 1944 года, которая может считаться весьма дискуссионным итогом не только хайдеггеровских изложений Гераклита.

Если *логос* «собирает» бытие как «отношение» (так это названо в лекции 1934 года об Аристотеле), тогда следует спросить, каким образом он это делает. «Собирание», осуществляемое *логосом*, никогда не имеет характера «простого соединения и нагромождения». *Логос* удерживает существующее как нечто «разбегающееся и прогнотворствующее» «на уровне самого высочайшего его напряжения» [5, s. 142]. В этом определении Хайдеггера чувствуется не только влияние гераклитовского фрагмента о *harmonía*, но и Фрагмента 53, где речь идет о *pólemos*, разделяющем богов и людей, рабов и свободных. По Хайдеггеру *pólemos* – это «противоречие», которое «создает» единое «собрание» *логоса*. Как *phýsis* и *lógos* есть «одно и то же», так же и *pólemos* и *lógos* [5, s. 66]. Из заботящегося о единстве «собираания» и «собрания» *логоса* возникает внутренне дифференцированное единство. И если в своей лекции об Аристотеле 1931 года Хайдеггер называл *логос* «регулирующей структурой», то теперь он может характеризовать его как «господствующий закон существующего в целом» [5, s. 186]. «Собирание» и «собрание» *логоса* соединяет раздельное и удерживает его в соответствующем внутренне дифференцированном единстве.

Сведение «логики» к ее «основанию» или «истоку» достигло своей цели. Изначальное понимание *логоса* демонстрирует сам факт и степень его укорененности в бытии. *Lógos* и *phýsis* есть «одно и то же». Это «тождество» *lógos* и *phýsis*, «собирающего единства» и бытия должно быть понято как внутренне дифференцированное⁵. Это дифференцирование делает возможными основополагающие отношения, которые должны быть поняты как основные отношения бытия и поэтому являются отношениями самости. Только когда идентичное воспринимается как внутренне дифференцированное, а дифференцированное – как идентичное, бытие вообще может быть понято как историческое явление. Если бы бытие было монолитным недифференцированным единством, то не могло бы быть никаких

исторических движений, никакого изменения и никаких переломов. Разработка этой исторической структуры «бытия» стала главным достижением хайдеггеровского «событийного» мышления.

Таким историческим явлением бытия является уже упомянутое «изменение *phýsis* и *lógos*» как «отпадение от первоначального начала». Хайдеггер описывает этот процесс следующим образом: «Изначально *логос есть* соби́рание событий несокрытости, он укоренен в ней и служит ей. Теперь же *логос*, поня́тый как высказывание, становится средоточием правды в смысле правильности» [5, s. 194]. *Логос* сам есть «событие несокрытости», *phýsis* как *alétheia*, но в то же время может быть «укоренен в ней», поскольку бытие является внутренне дифференцированным историческим явлением. *Логос* изымается из внутренне дифференцированной структуры отношений бытия, в структурировании которых он принял решающее участие как «господствующий закон» и «собирающее единство», и изолируется как «высказывание». Если изначально он «обосновывал» в целом внутренне различное бытие в «событии несокрытости», то «теперь», в истории метафизики, начатой Платоном и Аристотелем, он оторван от своей «основы» и сам представлен как «основа» правды в смысле правильного высказывания. *Lógos* превращается в *lógos apophantikós*, а затем и в *légein tí katà tinós* (сказать что-то относительно чего-то) и наконец в *kategoría*. [5, s. 196].

Решающие шаги к пониманию «изначального логоса» Хайдеггер делает как в своей лекции летнего семестра 1944 года, озаглавленной «Логика. Учение Гераклита о Логосе», так и в своем сочинении «Логос» 1951 года. В подробных интерпретациях гераклитовских фрагментов 45 и 50 Хайдеггер развивает следующую мысль: «возвращение» «логики» к ее «основам», «потрясение логики» с целью освобождения «изначального логоса» отбрасывает определение *логоса* как *légei tí katà tinós* и как *lógos apophantikós*. Это «возвращение» показывает, что «собирающий» *lógos*, *hén pánta* и *alétheia* суть «то же самое» или «единственная самостная сущность бытия».

4. Логос и «правда бытия»

После такого *tour de force* по хайдеггеровским исследованиям западного логоса мы должны вновь вернуться к его мысли о «потрясении логики». Для этого послушаем еще раз мнение Хайдеггера, высказанное во «Введении в метафизику»: «Изначально *логос есть* соби́рание событий несокрытости, он укоренен в ней и служит ей. Теперь же *логос*, поня́тый как высказывание, становится средоточием правды в смысле правильности» [5, s. 194]. «Изначальный логос» сам есть «событие несокрытости». Таким образом, «основанием» *логоса* является событие, которое само идентично *логосу*. Если *логос* сам есть бытие, то он не может

тогда продемонстрировать никакой другой «основы» кроме бытия, которым он сам и является. Это невозможно для него потому, что у бытия нет никакой другой «основы», кроме него самого.

Напротив, в основе повествовательного мышления, в *lógon didónai*, мышление стремится соответствовать «последовательности» существующего или устроить существующее в соответствии с «последовательностью», а значит постоянно выводить «основания» из других «оснований». «Последовательность» все новых «оснований» есть первый критерий обоснованности. Здесь следовало бы спросить, в какой мере выбор «последовательности» как первого критерия обоснованности может быть сам обоснован.

Если «основанием» *логоса* является сам *логос*, то никак не может быть «обосновано», почему «последовательность» должна быть первым критерием *логоса*. Но таким образом «логика», ориентированная на критерий «последовательности», приходит в замешательство: она не может «обосновать» себя и вынуждена подчиниться в большей или меньшей степени простому утверждению, а не «последовательному “измерению”». «Логика», считающая себя формализированием мышления, не может обосновать свой главный критерий своими собственными средствами. Следует вспомнить, что платоновским измерением *lógon didónai* является не форма, а само благо.

Странная мысль, что *логос* есть свое собственное «основание», приводит, в конце концов, к крайней границе рассуждений. Если *логос* является собственным «основанием», то базирующееся на *логосе* мышление, отвечая на вопрос о своем «основании», может указать лишь само на себя. Оно не может «обосновать», почему мышление может быть и должно быть «обосновывающим». Так мышление узнает, что оно не в состоянии мотивировать даже свой критерий «последовательности». В своих Фрайбургских докладах 1957 года Хайдеггер пишет: «Между тем настало время спросить, может ли мышление прийти к своей измеримой *логосам* сущности, к обоснованию, если его все время будут связывать с основаниями. Пока это происходит, мышление вынуждено даже принять как измерение свою собственную сущность, обоснование, но ни сам факт этого, ни эту меру оно не может осмыслить» [3, s. 154]. Мышление не в состоянии понять ни «основания» этого «измерения» или «меры», ни происхождения собственного «измерения», пока оно остается в игровом поле критерия «последовательности» «основания».

Таким образом, мышление должно признать, что оно не может «обосновать» себя из самого себя. Оно должно прийти к мысли, что оно имеет, как говорит Хайдеггер, «сущностную связь с без-основностью» [3, s. 154]. Эта «без-основность» раскрывается в хайдеггеровском наблюдении, что «основание» *логоса* и сам *логос* могут быть поняты как

«несокрытость». Так мышление оказывается связанным с чем-то первичным, причем оно не может документально засвидетельствовать то, с чем оно связано, как *fundamentum absolutum inconcussum*. Поэтому «потрясение логики», с одной стороны, есть разрушение уверенности «логики», что она может «обосновать» саму себя, а с другой стороны – это разрушение никоим образом не свидетельствует о том, что мышление сдалось на милость безмерности. Как раз напротив.

В тех же самых Фрайбургских докладах Хайдеггер пишет: «Современное гигантское наступление бесконечных расчетов в технике, индустрии, экономике и политике свидетельствует о власти мышления, одержимого логикой *logos* в такой степени, что это почти граничит с безумием» [3, s. 156]. «Власть» «логики» как *ratio*, «власть» мышления, ориентированного исключительно на критерий «последовательности», утверждается в своей функциональности, в своих глобальных успехах. Утверждение «последовательности» как первого критерия мышления открывает специфический способ овладения миром. То, что теперь мышление уже не вспоминает о своем начале в «изначальном логосе», то, что мышление оказывается недостаточным, чтобы обосновать себя из себя самого, – это теперь не только не мешает, но, наоборот, может, кажется, даже окрылить. Но напротив, только мышление, обратившееся к своей «мере» и узнавшее, что его «измерение» и оно само являются неким «даром» из других горизонтов, могло бы быть также и этически преобразованным мышлением. Оно не абсолютизировало бы критерий «последовательности», а рассматривало бы себя только как *одну* из собственных возможностей. Так «потрясение логики» стало бы «потрясением человека»⁶ – не «потрясением» насилем или принуждением, а освобождением к новому мышлению по ту сторону насилия и принуждения. «Без-основность» же, над которой разыгрывается такое «потрясение», есть, по Хайдеггеру, не что иное, как «правда бытия».

Примечания

¹ Предлагаемая статья является продолжением моей предыдущей статьи «Молчание, слушание, тишина. Предварительные замечания о соотношении истины и языка у Хайдеггера» (Δοξα / Докса.– Вип. 6. Мова, текст, культура.– Одеса, 2004.– С. 359–369).

² «Что есть “логика”? Она есть *epistème logiké* – наука о *lógos*’е и о том, что имеет отношение к *lógos*’у». Ср. в современных исследованиях: Ivo de Gennaro, *Logos – Heidegger liest Heraklit*. Duncker & Humblot, Berlin 2001 (= Philosophische Schriften. Bd. 42), а также: J.-F. Courtine, „Vom Logos zur Sprache“, in: *Die erscheinende Welt*. Festschrift für Klaus Held, hg. von Heinrich Hüni und Peter Trawny, Duncker & Humblot, Berlin 2002.

³ Ср. также: Martin Heidegger / Eugen Fink, *Heraklit*, Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main 1970, S. 197: «Хайдеггер: давайте остановимся наконец на том, что означает “логично” в обычном смысле, то есть для человека с улицы. Собеседник: Это значит что-то вроде “убедительно само по себе”».

⁴ Хайдеггер ссылается здесь на гераклитовский фрагмент 1 (Фрагменты Гераклита обычно цитируются по: Hermann Diels, *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Erster Band, Berlin⁴1922). Более поздний перевод Хайдеггера гласит: «[...] но поскольку все всегда происходит в соответствии с *lógos* 'ом, которым я изъясняюсь, вы схожи все же с людьми неопытными, когда пытаетесь разобраться в этих словах и делах, изложенных мною, в то время как я различаю все по его сущности и говорю так, как и обстоят дела» [9, s. 273].

⁵ «Поскольку бытие есть *lógos*, *harmonía*, *alétheia*, *phýsis*, *phainesthai*, поэтому оно неохотно являет себя» [5, s. 142]. Эта мысль также может быть понята только тогда, когда мы вспомним, что «различие между бытием и существующим, бытийственным» есть как раз абсолютно изначальное различие для дифференций.

⁶ Ср.: Heidegger, *Über den Anfang*, GA 70, S. 101: «Потрясение *сущности* исторического человека началось».

1. Hegel G. W. F. *Grundlinien der Philosophie des Rechts, oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse*, Hrsg. von Eduard Gans.– Berlin³,1854.
2. Hegel G. W. F. *Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte*.– Bd. 1. *Die Vernunft in der Geschichte*, hg. von J. Hoffmeister.– Hamburg⁶:Felix Meiner, 1994.
3. Heidegger M. *Bremer und Freiburger Vorträge. 1. Einblick in das was ist 2. Grundsätze des Denkens*, GA 79, hg. von Petra Jaeger.– Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1994.
4. Heidegger M. *Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt – Endlichkeit – Einsamkeit*, GA 29/30, hg. von F.-W. von Herrmann.– Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1983.
5. Heidegger M. *Einführung in die Metaphysik*, GA 40, hg. von Petra Jaeger.– Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1983.
6. Heidegger M. *Heraklit. 1. Der Anfang des Abendländischen Denkens. 2. Logik. Heraklits Lehre vom Logos*, GA 55, hg. von Manfred S. Frings.– Frankfurt am Main²:Vittorio Klostermann, 1987.
7. Heidegger M. *Logik als die Frage nach dem Wesen der Sprache*, GA 38, hg. von Günther Seubold.–, Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1998.
8. Heidegger M. „Logos (Heraklit, Fragment 50)“; in: Heidegger., *Vorträge und Aufsätze*, GA 7, hg. von F.-W. von Herrmann.– Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann 2000.
9. Heidegger M. *Seminare*, GA 15, hg. von Curd Ochswadt.–, Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1986.